

КАФЕДРА

Втроем и впятером

Четыре любви Бунина

Геннадий Евграфов

Пролог

Он смотрел в окно, как она уходила. Солнце стояло в зените, все крутом цвело, апрельский воздух был напоен сладким запахом гелиотропов. Возле одной из дач она остановилась, поставила на землю сумку с нелепыми, мелкими вещами. Налетевший ветер задрал юбку, обнажил сильные, в черных чулках, молодые ноги, сбил шапочку, ударил в спину. Она ухватилась за изгородь, переждала порыв ветра и, не оборачиваясь, продолжила спуск по гравской дороге к лежавшему в низине морю... Все было кончено. Он отошел от окна и с болью в сердце опустился в кресло...

Галина Кузнецова

Они познакомились летом 1926 года в Париже. Она давно хотела показать ему свои стихи, но все стеснялась идти к своему любимому писателю, академику российской словесности. Помог случай. Один из общих знакомых придумал для нее поручение – отнести ему книгу. Она с радостью ухватилась за эту возможность, но первая встреча ее разочаровала. Он показался ей холодным, замкнутым, высокомерным.

Потом знакомство продолжилось, вспыхнула любовь, он раскрылся, был с нею добр и нежен. И он, и она были несвободны, он женат вторым браком на бывшей дворянке Вере Муромцевой, она была замужем за бывшим офицером Белой армии, ныне парижским таксистом Петровым. Она, недолго раздумывая, ушла от мужа, и он оказался перед мучительным выбором между ней и Верой. В свои 56 он боялся перечеркнуть прошлую жизнь, начинать сначала, вновь устраивать эмигрантский быт. Но самое главное, он психологически не мог порвать с Верой. Она всегда была образцово-покорной женой, всегда жила его интересами, литературными делами. Терпела его колючий, неуживчивый характер. Была преданна, верна и послушна.

Ситуация была ужасна, и казалось, что из нее нет выхода. Тем временем Вера узнала о романе, о котором уже давно говорил весь русский Париж. Она не скрывала своего горя и не знала, что ей делать. Но тут произошло чудо – он сумел убедить ее, что между ним и Галиной ничего серьезного нет, что это всего лишь отношения учителя и ученицы. Галина пишет стихи, рассказы, она талантлива, даровита, но ей не хватает опыта, умения и знаний, и он должен, обязан ей помочь. Как это всегда было в русской литературе. Как старший – младшему. И Вера скрыла свои отчаяние и боль, смирилась, закрыла глаза и на то, что ученице было всего 26, и на то, что она была необыкновенно хороша собой, и на то, что говорили об этих отношениях другие. А что ей оставалось делать? Порвать со своим любимым Яном, уйти из дому, куда глаза глядят, раствориться, исчезнуть в тяжелой эмигрантской жизни? Она уже не могла прожить без него, властного, резкого, бескомпромиссного, и была вынуждена согласиться, чтобы Галина переехала в Грасс и поселилась в их доме, их «Бельведере», стоявшем высоко в горах над морем. У них уже жил Рошин, который был его учеником, которому он помогал, учил писательскому ремеслу, и она решила, пусть будет и ученица. Но ученица была моложе его на тридцать лет, и это, конечно, зная его влюбчивую натуру, не могло ее не беспокоить...

Галина несколько раз приезжала в Грасс и окончательно переселилась в дом в мае 1927-го. Немного погодя появился начинающий беллетрист Зуров. Началась жизнь впятером, жизнь нелегкая, нервная, напряженная. По утрам, после завтрака, все расходились по своим комнатам. Он подгонял – работать, работать, только в молодые годы можно написать что-то достойное, за что потом не будет стыдно. Вера отправлялась в город за продуктами. Но когда вновь все сходилось за обеденным столом, зачастую начинались ссоры. Он часто нервничал то по поводу своих изданий, то из-за все чаще и чаще одолевающего нездоровья. Вера пугала его беспредставными советами – надо лечь, лучше принять лекарство, а не разгуливать по дому. Зуров раздражался из-за своей творческой несостоятельности. Рошин, которого все называли Капитаном, требовал только похвал за все, что выходило из-под его пера.

С первых же дней она начала вести дневник, куда подробно заносила все, что было связано с ним, с ее пребыванием в Грассе. Уже через год она записала: «О, боже, какой, в сущности, невыносимо нервный дом!» Его же все чаще и чаще угнетали мысли о старости, смерти. Он исхудал, писать становилось все труднее и труднее, он сутками просиживал над началом третьей книги «Жизнь Арсеньева». От греха уныния спасала только любовь. Он понимал, что – последняя, и поэтому делал все, чтобы еще сильнее привязать Галину к себе. Он читал ей вслух написанное, она приходила к нему в кабинет и читала свое. Он учил, поправлял, вот здесь нужно другое слово, а здесь повернуть сюжет.

Все кончилось внезапно и неожиданно. После того как казалось, что все складывается прекрасно, после Нобелевской премии, после триумфальной поездки в Стокгольм, после его чествования и признания всем миром. После того как в дом зачастила Марга Стегун, певица и родная сестра философа Федора Степуна. Все рассыпалось в пух и прах, Галина не на шутку увлеклась Маргой. Вера, чуткая Вера, которая тоже вела дневник, еще в июне 34-го записала: «Марга у нас третью неделю... С Галей у нас повышенная дружба. Галя в упоении и ревниво оберегает ее ото всех нас». И – через месяц: «Галя, того и гляди, улетит. Ее обожание Марги какое-то странное...» А он так ничего и не заметил.

Галина прожила в их доме еще целых восемь лет. А когда «улетела», он с нескрываемой горечью сказал Борису Зайцеву: «Я думал, придет какой-нибудь хлыщ со стекляннм пробором в волосах. А ее увела у меня баба...»

Варвара Пашенко

Он тяжело поднялся с кресел и подошел окну, вдохнул пьянящий весенний воздух, напоенный душаю-

Такая вот «повышенная дружба».

Л.Фини. Девушки ночи

щим цветочным ароматом. Внизу неумолкаемо шумело море. Он распахнул ворот и вспомнил свою первую любовь, которая его, девятнадцатилетнего начинающего поэта, захватила целиком в далеком, давно раставшем во времени, 1899 году.

Варвара работала в редакции «Орловского вестника» корректором. Молодая, высокая, стройная, с красивыми чертами лица, она показала ему поначалу чересчур гордой. Может быть, потому, что носила пенсне. Ему негде было жить, он ночевал в редакции чуть ли не целую неделю. Друг другом они виделись каждый день. Она сидела в своей комнате с отворенной дверью, а он – на перилах лестницы около двери. Потом сходились, пили чай, разговаривали. Он, страдая от одиночества и неприкаянности, изливал ей душу. Она с сочувствием кивала, брала его за руку, успокаивала. Летом он стал часто бывать у нее дома и однажды почувствовал, что влюблен – пылко, горячо, страстно. Но она была холодна, он оставался для нее всего лишь милым, приятным молодым человеком. Перелом наступил в августе. Они вместе поехали к Бибиковым и провели там три дня. Было весело и хорошо. Как-то ночью сидели на балконе. Потом пошли гулять по темной аллее. Он поцеловал ее руку и признался в любви. Она сказала, что может полюбить его, а потом неожиданно обняла, пригнула к себе и прошептала, что страшно любит его, но только сейчас, что она еще не уверена, но ей так трудно справиться со своими чувствами...

Утром следующего дня она попросила его забыть про эту ночь, про все, что было, про ее признание. Он расстроился, потом потребовал объяснений. В ответ она расплакалась и сказала, что сама не знает почему. Раздосадованный ее непоследовательностью, он хлопнул дверью и ушел в сад. Зарю встретил один на балконе. Когда появилось солнце, она пришла к нему, стала утешать, обнимать, целовать.

Через некоторое время они сговорились и поехали вместе в Орел. Там Варя стала брать уроки музыки, увлеклась театром и вступила в Кружок любителей сценического искусства. Его это раздражало, он терпеть не мог любительских спектаклей, но приходилось мириться с ее страстью – это удерживало возлюбленную в Орле. Но вскоре за ней приехала ее мать. Он сказал Варваре Петровне о своем желании жениться на ее дочери, но она была настроена решительно против, говорила с ним резко и грубо. Всерьез не воспринимал его и Варин отец, доктор Пашенко, не понимавший, что нашла дочь в этом – без своего угла, без денег – молодом поэте, у которого, на его взгляд, не было никакого будущего. Но Варя все никак не бросала его, они то встречались, то расставались.

Они переезжали из города в город, оба были без работы, пока не вернулись в Полтаву, где она устроилась статистиком, он начал подрабатывать в земстве, а в свободное время писать статьи и рассказы. Но совместная жизнь не сложилась. Неожиданно он увлекся

толстовством, теперь пришла очередь пребывать в раздражении ей. Она была против взглядов великого старца, ей претили идеи опрощения, бескорыстия, отказа от наемного труда. В 1894 году в отпуск она уехала домой, к родителям, и там, вероятно, созрело решение его оставить. Она писала ему, обещала вернуться, он даже выезжал навстречу ей в Харьков, но так и не нашел на вокзале. И все же она вернулась и прожила с ним еще целую осень. Однажды, придя домой, он нашел беспорядок в комнатах и записку, в которой она прощалась с ним и просила не поминать лихом...

Вскоре узнал, что она вышла замуж за общего их знакомого и приятеля Арсена Бибикова. Это был смертельный удар, он думал, что жизнь его кончена. Но че-

Я думал, придет какой-нибудь хлыщ. А ее увела у меня баба

рез какое-то время он пришел в себя, с головой ушел в сочинительство, стал вновь скитаться по городам. В Одессе его настигла новая любовь...

Анна Цакни

Ах, как он был тогда молод, как кипела кровь в его жилах, как играла сила в его мышцах. Он хотел любить и быть любимым...

Анна была дочерью одесского грека, издателя и редактора «Южного обозрения» Николая Цакни. Цакни потерял красавицу жену после рождения дочери, через некоторое время женился на гречанке Ираклиади. Грек приветил его и его молодых друзей – литераторов и журналистов Федорова, Куровского, Нилуса. Ему сразу же приглянулась Анна, высокая, пышноволосая, с темными глазами. Он почувствовал, что снова влюблен, но все раздумывал и приглядывался. Может быть, ему мешало то, что за его ухаживаниями просматривался материальный расчет? Цакни хотел, чтобы газета приносила доход, предлагал устроить компанию на паях, ему нужны были молодые талантливые сотрудники – свои люди. Временами он ловил себя на некоторой рассудочности своего чувства к Анне. А она принимала его ухаживания, гуляла с ним по приморским бульварам, пила белое вино, заедая кефалью, и никак не могла понять, чего он медлит. Он решился внезапно и в один из вечеров сделал предложение. Венчание назначили на 23 сентября. Размолвки начались сразу после церемонии. После обряда вышли из церкви, заговорили о делах и, забыв о молодой, неспешно двинулись по направлению к дому. Анна обиделась и не проронила ни единого слова, пока не уехали за стол. На следующий день обиды позабылись, они начали собираться в дорогу.

Уезжали в Крым, где решено было провести медовый месяц. Потом поехали в Москву, Петербург, Анна никогда не бывала в столицах. В Москве попали на первые представления «Чайки» и «Царя Федора Иоанновича» в Художественном театре.

Семейная жизнь не заладилась сразу же после возвращения в Одессу. Однажды в порыве ссоры у нее вырвалось: «Чувства нет, без чувства нельзя!» Он не знал, что делать, метался в поисках выхода – Анна была безразлична. Хотел все бросить, уехать – и не мог. Начал искать причины неудавшейся семейной жизни в себе – не уделяет ей достаточно внимания, много требует, тоже порядочный эгоист. Винил себя даже в том, чего не было, умолял простить, клялся посвятить ей всю жизнь. Она молчала в ответ на все его слова, на все мольбы сказать, что происходит. Он видел, как она страдает в его присутствии. Было огорчительно и больно. Он понял, что она только и дожидается его отъезда. Его любовь к ней постепенно угасала. Когда находиться в доме стало совсем невыносимо, собрал чемодан и уехал в Москву. Она сама хотела разрыва, и было бесполезно предпринимать дальнейшие шаги к примирению.

В августе 1900-го Аня родила сына. Но Коленька не прожил и пяти лет, скончавшись в январе 1905 года от менингита. Горе его было безмерно, он не расставался с фотографией ребенка во всех своих странствованиях. Анна после смерти сына замкнулась, ушла в себя, не хотела жить. Через годы пришла в себя, но замуж второй раз не вышла. Но все это время не хотела давать ему развод. Даже тогда, когда он связал свою жизнь с Верой...

Ее голос вывел его из полузабытья. Она с кем-то громко разговаривала внизу. Он увидел, как она вышла в сад, склонилась над цветком, потом распрямилась, пошла дальше и через мгновение исчезла в зарослях кустарника. А ему вспомнилось, как все у них начиналось...

Вера Муромцева

Ему исполнилось 36 лет, когда они познакомились. Он был уже известный писатель, его имя ставили рядом с Чеховым, Горьким. Он писал прозу и стихи, за сборник «Листопад» и перевод «Песни о Гайавате» получил свою первую Пушкинскую премию. Вера происходила из дворянской семьи, ее отец заседал в Московской городской управе. Она училась на естественном факультете Высших женских курсов, была необыкновенно хороша собой, образованна, много читала, разбиралась в искусстве театра, любила музыку. Его, темпераментного, взрывного по характеру, влекли ее сдержанные манеры, спокойствие и рассудительность. Тот день, 4 ноября 1906 года, когда он впервые увидел ее в доме своего приятеля, писателя Бориса Зайцева, запомнился ему на всю жизнь. У Зайцевых был литературный вечер, читали Вересаев, он и хозяин дома. После чтений и споров столовая опустела, они остались наедине. Он спросил, как она попала сюда, чем занимается, как ее имя. И вдруг ему нестерпимо захотелось видеть ее, быть вместе, рядом.

Они начали встречаться, завязался легкий, непридуманный роман. Виделись то дома у Веры, то у него в гостинице, где он снимал номер, ходили по выставкам, бывали на концертах. И вскоре оба почувствовали, что любят друг друга, что не могут друг без друга. Однажды спросил, не будет ли она возражать, если он напишет о ней сонет. Она смутилась, застенялась...

Сейчас по прошествии стольких лет он отчетливо помнил все, до мельчайшей детали. Через две недели знакомства, после чтений в Кружке любителей изящной словесности катались на извозчике по московским улицам. Расставаясь, он сказал, что относится к ней как к невесте. И все решилось – сразу, бесповоротно. Но официально жениться он не мог, брак с Анной не был расторгнут.

Шли годы, он продолжал писать, слышал шум времени, видел и понимал, куда движется Россия. Его стихи и проза военных и революционных лет были пронизаны горечью и печалью. Старый привычный мир, полный красоты и очарования, рушился на глазах, исчезая в Лету. Новый мир, пришедший вместе с большими, он не принял. В 1918 году с превеликими трудностями добрались до Одессы. Затем был Белград. Получив французские паспорта, отправились в Париж. Там уже были верные друзья Цетлины, которые на первое время приютили их в своей квартире. Началась совершенно другая жизнь – жизнь без России, жизнь вне России. Но с ним была его Вера, и они вместе начали преодолевать все тяготы и трудности эмигрантского быта и бытия. В 1922-м, когда Анна наконец-то дала ему развод, они обвенчались. Потом, когда появились первые деньги, стали снимать старенькую дачу в небольшом прованском городке Грассе. Сюда, в Грасс, приезжали Мережковские, Рахманинов, Ходасевич с Берберовой. Он продолжал работать, писал «Жизнь Арсеньева», по сути, роман о своей жизни, о том, что ему довелось увидеть и испытать в этом мире. Он закончил книгу в 1933 году. Более четверти века прошло с тех пор, как он познакомился с Верой. И все эти годы она была ему хорошей женой, терпела его тяжелый характер, мирилась с его деспотической натурой, легко переносила его раздражительность. Она не мешала ему ни в чем и даже смирилась с его последней любовью. Но только теперь, когда с Галиной все было кончено, он испытал безмерное чувство вины перед Верой...

Неожиданно он услышал ее звонкий, не утративший молодости голос. Она звала его спуститься вниз, в сад...